

Юлия Ельнова-Эпифанию

Кипрские хроники

Memento Mori

или

Помни о смерти

повести и рассказы

книга 1

Библиотека классической и современной прозы

Юлия Ельнова-Эпифаниу

**Кипрские хроники. Memento Mori,
или Помни о смерти. Книга 1**

«Общенациональная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Ельнова-Эпифаниу Ю.

Кипрские хроники. Memento Mori, или Помни о смерти. Книга 1 / Ю. Ельнова-Эпифаниу — «Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков», 2019 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907254-23-7

Мудрые говорили, что память о смерти наполняет людей возвышенными чувствами и придаёт жизни смысл. Осознание того, что всякий земной путь обязательно имеет свой конец, заставляет человека трудиться и творить, любить и сострадать, верить и надеяться, ставить перед собой цели и идти вперёд. Но случается порой, что люди покидают этот мир именно в тот момент, когда могли бы начать жить по-настоящему. Для персонажей этой книги последней гаванью ослепительного парусника жизни, стремительно плывущего по иллюзорно бескрайним и непредсказуемым волнам судьбы, становится небольшой средиземный остров с богатейшей историей, оваянной мифами и легендами, – остров Кипр. Как связаны между собой парусник жизни, остров Кипр и роковой выбор человека на перепутье жизненных дорог, уважаемый читатель сможет узнать из настоящей книги.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-23-7

© Ельнова-Эпифаниу Ю., 2019
© Общенациональная ассоциация
молодых музыкантов, поэтов и
прозаиков, 2019

Содержание

Об авторе	6
Кипрские хроники	7
Сжигающая любовь	8
Глава I	8
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	16
Глава V	19
Глава VI	21
Глава VII	23
Глава VIII	27
Глава IX	29
Глава X	30
Глава XI	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Ельнова-Эпифаниу
Кипрские хроники
Memento Mori, или Помни о смерти

© Ельнова-Эпифаниу Ю., 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2019

Об авторе

Юлия Ельнова-Эпифаниу – русская писательница, прожившая большую часть жизни на небольшом средиземном острове с богатейшей историей, овеянной мифами и легендами, – Кипре. Столкновение менталитетов, традиций и жизненного уклада всегда порождает интересные и необычайные события и приключения. Именно действительность в духе «свой среди чужих, чужой среди своих» подтолкнула к написанию серии рассказов и повестей, описывающих судьбы людей из разных уголков мира. Волей слепого случая земной путь героев привёл их на остров богини любви и красоты Афродиты, а возможно, и трагически оборвался там. Прототипами персонажей послужили реальные личности, смерть которых, пусть иной раз страшная в своей нелепости и непредсказуемости, тем не менее наводит на мысль о некоем неизбежном фатуме или роке, к которому человека безрассудно влечёт его собственный неосознанный выбор на перепутье жизненных дорог...

Кипрские хроники Memento Mori, или Помни о смерти. Рассказы и повести

Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти. Воспитывай свой разум. Когда твоя мысль постоянно будет вращаться вокруг смерти, твой жизненный путь будет прям и прост. Твоя воля выполнит долг, твой щит станет непробиваемым.

Из заповедей японских самураев

В основе каждого повествования лежит реальное происшествие (или: инцидент, факт, случай). Однако все описанные события, персонажи, их характеры и судьбы являются художественным вымыслом автора. Всякое сходство с реальными событиями и лицами случайно.

Сжигающая любовь

Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом.

Вольтер

Глава I

– Кáрмен! Кáрмен! – звал в нетерпении женский голос.

Крики, доносящиеся с улицы, с лёгкостью проникали внутрь через распахнутое окно и, казалось, наполняли невыносимым пронзительным звуком всю комнату.

– Да тише ты, не ори! – раздражённым шёпотом, высунувшись наружу, ответила молодая и очень красивая девушка. – Сейчас выйду!

С видимым усилием она накинула на голое тело лёгкое цветастое платье, сунула ноги в бамбуковые сандалии, мельком взглянула на своё сонное лицо и взлохмаченные волосы в зеркало и, равнодушно махнув рукой, вышла из дома. Во дворе, стоя как раз под тем самым раскрытым окном, через которое так хорошо доносился уличный шум, её ждала другая молодая девушка, в чём-то в точности похожая на неё: тот же невысокий рост, то же стройное миниатюрное тело и те же выразительные азиатские черты лица. Даже длинные чёрные волосы, волной ниспадавшие каждой из них на плечи, были приблизительно одной длины. С одного мимолётного взгляда их легко можно было бы принять за сестёр, но, задержись взгляд ещё хотя бы на секунду дольше, никто бы уже не осмелился сказать, что между двумя этими молодыми особами есть хоть что-то общее: так разительно отличалось впечатление, возникающее у постороннего наблюдателя, глядевшего на них.

Та, что ожидала на улице, была обыкновенной и типичной жительницей своей страны... Но та, что только что вышла из дома, представляла собой незаурядное зрелище. В каждом движении её, в каждом жесте сквозило что-то необыкновенно женственное. Все её невысокое тело было так удачно и пропорционально вылеплено, что, казалось, не оставляло возможности найти в нём хоть какой-нибудь изъян. Длинные, совершенной формы ноги и естественная гордая осанка компенсировали единственный возможный недостаток – рост, придавая ей визуальность высоты. Все её лицо выражало какое-то трогательное изящество: миндалевидные глаза казались огромными для её аккуратного маленького и нежного личика, а точёный носик и высокие скулы выдавали в ней некую врождённую аристократичность, словно азиатская царица Томирис сошла со страниц истории! Впрочем, в чертах её лица также прослеживалась явная примесь крови, очевидно, испанской...

– Ну что ты так раскричалась? – протянула она все ещё сонным и от этого хрипловатым голосом. – Ты же знаешь, она просыпается от всякого шума. Я и так из-за неё всю ночь не спала. Боже! Неужели это никогда не закончится?!

– Не волнуйся так. Конечно же, закончится, – ответила притворно утешительным голосом её подруга. – У меня племянник только до года так по ночам орал, а в полтора уже спал до утра как миленький. Так что тебе недолго уже терпеть осталось. Конечно, если к тому времени вы не успеете занять второго ребёночка, – тут же с ехидцей вернула она.

– Ты это о чём? – с раздражением отреагировала замученная бессонными ночами юная мать. – Ещё детей?

Да никогда в жизни! Если бы знала, что меня ждёт, то и этого маленького чудовища бы не было. Все соки из меня высосала. Не представляю, как я смогу теперь принадлежать самой себе? Это что же, теперь и есть моя жизнь?..

– А Бенли, между прочим, в ней души не чаёт, – вставила вторая. – Говорит, что она – вылитая ты, такая же красавица, и всем рассказывает, как ты прекрасно вошла в роль матери и что у вас будет ещё, по крайней мере, пятеро детей...

– Бенли – чокнутый! – грубо прервала её Кáрмен. – После свадьбы совсем другим человеком стал. Говорит только о детях да о семейных ценностях. Носится, как кот с маслом, с этим визжащим комочком. Всё, что его сейчас волнует, – это где достать деньги на свинью к крестинам.

Собирается праздновать это из ряда вон выходящее событие с учётом всех существующих традиций и готов в долги войти, лишь бы только накормить всех своих голодранцев-родственников! – злобно и с нескрываемой иронией рассмеялась она.

– А знаешь, – задумавшись, тихо сказала её подруга, – тебе ведь все завидуют. Кто бы мог подумать тогда, в университете, что из первого красавчика и гуляки Бенли выйдет такой заботливый муж и отец. В него и тогда были влюблены все девчонки с нашего курса, несмотря на то что все считали, что у него на уме только развлечения и весёлая жизнь.

– Пожалуйста, вот пусть и забирает его к себе любая. И желательно с этим кричащим кульком, – с неподдельным отвращением на лице ответила Кáрмен. – А я его больше видеть не могу! Я уже по горло сыта семейной жизнью!

Нервным жестом она откинула упавшую на лицо прядь волос и бросила неприязненный взгляд в сторону открытого окна.

– Ну тогда тебе будет интересно послушать о том, с чем я к тебе пришла, – интригующим тоном объявила её собеседница. – У меня есть чудесные новости!

На тонких чертах Кáрмен отобразилось удивление, с некоторой примесью озадаченности и недоверия:

– Новости... у тебя? Какие у тебя ещё могут быть новости?.. – и она высокомерно повела плечами. – Впрочем, давай, не томи! Это маленькое чудовище может проснуться в любой момент, – поторопила она.

– Так вот, – с торжественным видом начала её подруга. – Мне уже давно осточертела эта безденежная жизнь, и несколько месяцев назад я отвезла документы в Манилу – в одно агентство, занимающееся трудоустройством за границей. Представляешь, сегодня мне позвонили и сказали, что меня приглашают на работу!

На этих словах она запрыгала на одном месте, хлопая при этом в ладоши.

– Это что, как тётка Бенли ездит? – ошарашенно спросила Кáрмен.

– Да так пол-Филиппин ездит! И неплохо, между прочим, зарабатывают, – вторая половина фразы прозвучала с особым удовлетворением.

– И куда же ты едешь? – заинтересованно протянула Кáрмен.

– Да пока не знаю! Все равно куда – лишь бы подальше отсюда. Деньги оправдают любое местопребывание. А когда вернусь... – но закончить ей так и не удалось, потому что Кáрмен в нетерпении дёрнула её за руку.

– Слушай, Люс, а мои документы ты смогла бы туда отвезти? Ты когда теперь там будешь?

Глаза её собеседницы вначале широко распахнулись от удивления, а затем загадочно сузились, как бы пряча какие-то потаённые мысли.

– А зачем тебе? Бенли же для тебя старается, зарабатывает. Неужели тоже нужда заела?

– Да при чём здесь нужда!? Я жить так больше не могу! – закричала она в исступлении. – Мне нужна назад моя свобода, или я скоро сойду с ума!

– Но как же ты думаешь ехать? Он же тебя так просто не отпустит. Вы же, можно сказать, ещё молодожёны... – как-то странно усмехнулась Люс.

– Ещё чего, не пустит! Постараюсь убедить его, что делаю это ради его распрекрасных свиней. Ну ты ведь мне поможешь? – Кáрмен снова требовательно схватила свою подругу за руку. – Ты отвезёшь мои документы в Манилу? Самой мне туда сейчас никак не добраться...

Люс медленным движением осторожно освободила свою руку и отвернулась в сторону, как бы о чём-то раздумывая. Её лицо, скрытое от глаз Кáрмен, отражало бурю быстро сменяющихся друг друга эмоций. Затем, словно спохватившись, она резко повернулась и обняла свою подругу, поспешно заговорив:

– Конечно же, моя дорогая Кáрмен, я сделаю ради тебя всё, что ты попросишь. Ты же знаешь, я – единственный человек, который тебе всегда поможет в трудную минуту. Я обязательно отвезу твои документы и сделаю это как можно скорее.

Теперь черты её лица выражали безмятежное спокойствие и полную уверенность в некоем мгновение назад принятом и только ей одной известном решении.

Кáрмен между тем, окрылённая открывшимися перед ней перспективами, в считанные минуты переменилась и из уставшей раздражённой девушки превратилась в полную сил и энергии будущую завоевательницу мира. Даже громкий плач грудного ребёнка, внезапно разорвавший наступившую тишину, на этот раз не смог вызвать у неё обычного приступа раздражения.

Обе девушки ещё немного помолчали. Застыв с мечтательным выражением лица, каждая думала о чём-то своём. Затем Кáрмен, попрощавшись, направилась к дому. Она плавно шла окрылённой походкой человека, которому только что выпал второй шанс начать жизнь заново.

Глава II

Прошло несколько дней. В окутанной полумраком комнате Кáрмен сидела перед зеркалом, рассматривая своё отражение. В углу в маленькой кроватке мирно посапывал ребёнок. Последние лучи солнца, проникавшие в окно через тонкую занавеску, окрашивали все окружающие предметы в какой-то мягкий и таинственный розовый цвет. Лицо Кáрмен, освещённое этим светом, казалось ещё более привлекательным и манящим.

Медленным движением она провела рукой по своей щеке, затем по шее и плавно опустила её на грудь. Глаза её, казалось, смотрели куда-то сквозь зеркало – таким отрешённым и затуманенным был её взгляд. Стараясь не производить ни малейшего шума, в комнату осторожно вошёл молодой человек и сразу же направился к детской кроватке. Его лицо, обращённое к ребёнку, выражало самую нежность и отеческую заботу. Постояв немного над младенцем, он тихо подошёл к Кáрмен и обнял её за плечи. Девушка, очевидно, блуждавшая мыслями где-то вдали, не почувствовав в комнате присутствия другого человека, резко вздрогнула и полуобернулась.

– А, это ты, Бенли... – как-то разочарованно проговорила она, нехотя возвращаясь к действительности.

Молодой человек притянул её к себе сильными мускулистыми руками и с нескрываемым обожанием заглянул в лицо.

– Ты стала ещё красивее, Кáрмен, – с нежностью прошептал он. – Материнство тебе к лицу...

Он ласково провёл рукой по её лицу тем же самым жестом, что и несколько минут назад сама Кáрмен, и задержался на её груди. Лицо девушки при этом как-то нетерпеливо поморщилось, и, отстранившись, она потянула его за собой прочь из комнаты.

– Да, ты права, малышка так беспокойно спит, не будем её тревожить, – заботливо прошептал он, плотно закрывая за собой дверь спальни. – Думаю, с крестинами лучше не торопиться. Пусть Сюзи подрастёт, окрепнет. Да и я смогу собрать бóльшую сумму, и тогда мы сможем купить не одну, а парочку свиней, чтобы отметить этот праздник как можно достойнее.

Видно было, что мысли о предстоящем событии вызывали у него приятное волнение и радость. Он искренне не замечал, что каждый раз при подобных рассуждениях на лице его любимой жены застывала маска смертельной скуки.

– Как дела в школе? – безразличным голосом бросила она первую попавшуюся фразу, чтобы сменить ненавистную ей тему.

– Всё нормально. Мне всё нравится. Вот только зарплата школьного учителя по физическому воспитанию оставляет желать лучшего, – со смехом добавил он. – Ну ты и сама это знаешь. Мы все это знали ещё с университета: чтобы дойти до нормальных денег, нужно иссушить себя теорией и экзаменами, закончить на мастера, а потом ещё сесть за докторскую. Откровенно говоря, всё это не по мне... Я люблю живой спорт, а не по книжкам!

При этих словах он небрежно похлопал себя по рельефным мускулам.

– Вот только жаль, что я до сих пор не смог осуществить твою мечту и купить тебе небольшой автомобиль, – сказал он уже посерьёзневшим голосом, снова обнимая жену. – Я чувствую себя таким виноватым, что не могу дать тебе того, чего ты достойна...

Послушно дав себя обнять, Кáрмен нахмурилась ещё больше от напоминания о недостижимости желанной игрушки. Вся жизнь в маленькой Авроре показалась ей ещё более пресной и тоскливой. Рутинная и обыденность – вот что ждёт её в этом унылом филиппинском городишке. И в тот же миг её внезапно озарила мысль о том, как приступить к осуществлению её недавно созревшего плана, который должен будет привести её к долгожданной свободе.

Она нежно обвила руками шею своего мужа и заговорила самым искренним голосом, на который была способна:

– Милый мой, Бенли, ну о чём ты говоришь? В чём же ты можешь быть виноват передо мной? Это я чувствую себя совершенно никчёмной от того, что никак тебе не помогаю в твоих стараниях для будущего нашей маленькой Сюзи.

От неожиданности Бенли опешил:

– Кáрмен! Ты же кормящая мама! Ты недавно родила ребёнка и полностью посвящаешь себя обязанностям по его уходу. Никто не ждёт от тебя чего-то большего!

– Ах, Бенли!.. Прошли те времена, когда женщина сидела дома и занималась только хозяйством и детьми.

Современная женщина должна быть полноправным партнёром своему мужу. В конце концов мы вместе заканчивали университет... А знаешь, – после небольшой паузы добавила она, – я восхищаюсь твоей тётёй Джанет...

– Ха! Тётёй Джанет! Да она же полжизни провела неизвестно где, родных детей годами не видела....

– Зато она смогла обеспечить им достойное будущее! – деловито ответила Кáрмен. – Её старший сын, если я не ошибаюсь, сейчас учится в Маниле на адвоката.

– Но Кáрмен, – Бенли озабоченно вглядывался в лицо своей жены, – не хочешь ли ты сказать, что тоже способна на такое?! Оставить меня, нашу маленькую Сюзи и всё ради чего? Денег?..

– Нет, конечно! – Кáрмен рассмеялась так, как будто сама подобная мысль показалась ей полным абсурдом. – Ты же прекрасно знаешь, что я без вас умру.

Просто, – добавила она вкрадчиво, – я чувствовала бы себя намного лучше, если бы смогла хотя бы как-то помочь тебе в подготовке к крестинам... Я знаю, для тебя так важно, чтобы всё прошло самым наилучшим образом. Если бы я могла заработать какие-то деньги и мы смогли бы позволить себе купить не только свиней, но и корову... О, ради этого я бы пожертвовала несколькими месяцами разлуки! – давя внутри себя смех, притворно присовокупила она.

Закончив ключевую фразу, Кáрмен умолкла в ожидании реакции мужа. Стараясь не переиграть, она рассеянно смотрела в сторону, в то же время пытаясь угадать, правильную ли она выбрала тактику. Бенли тоже молчал. Казалось, он напряжённо о чём-то думал. Затем он резко поднялся и подошёл к открытому окну. До Кáрмен донеслись его тихие слова:

– Да, ты права... Ты совершенно права. В конце концов это всего лишь несколько месяцев. А потом мы сможем сразу же устроить крестины, и не придётся брать ни у кого взаймы...

Кáрмен изумлённо уставилась на спину мужа. От столь лёгкой победы она внезапно ощутила смесь разочарования и скуки. «И стоило столько дней мучиться и думать, как завести разговор?..» – подумалось ей, и она перестала больше вслушиваться в его бормотание.

– Кáрмен, – наконец громко произнёс Бенли, всем телом разворачиваясь к жене, лицо его выражало вымученную решительность, – я завтра же поговорю с тётёй Джанет и выясню, каким образом я мог бы получить работу за границей. Мне повезло, что у меня такая умная и великодушная жена. Да, мы пожертвуем несколькими месяцами разлуки, но, когда я вернусь, я смогу осуществить все наши замыслы: справить крестины, подарить тебе авто и, может быть, даже начать свой небольшой бизнес...

– Но Бенли... – только и нашлась, что сказать опешившая Кáрмен. – Я имела в виду, что ехать-то должна я...

– Об этом не может быть и речи, – твёрдо произнёс её муж. – Я никогда не позволю себе воспользоваться твоей добротой и жить за счёт женщины, как делают, к моему стыду, большинство филиппинских мужчин. Возьми хотя бы мужа тётёи Джанет: в то время как его жена зарабатывает на всю семью в чужих краях, он не работает годами, а только и делает, что

меняет любовниц. Мужчины, имеющие сильный характером жён, берущих на себя все тяготы по содержанию семьи, постепенно перестают быть мужчинами.

– Да, ты совершенно прав, мой дорогой: рядом с сильной женщиной мужчина неизбежно становится слабым, – быстро заговорила наконец пришедшая в себя Кáрмен, пытаясь ещё успеть вернуть ситуацию под контроль. – Но в нашем с тобой случае это совершенно исключено! Посмотри на себя, – в её голосе послышались соблазняющие нотки. – Кто может быть более мужественным, чем ты?.. Да и потом, я полностью тебе доверяю...

Но или Кáрмен перестаралась с обольстительной манерой речи, или на Бенли так подействовала одна только мысль о возможном с ней расставании, – как бы там ни было, а дальнейший разговор пришлось отложить, так как дело вскоре приняло совсем неделовой оборот...

Глава III

От сознания того, что план её явно разваливался на глазах, Кáрмен перестала спать ночами. Недооценив твёрдости характера своего мужа и силы его любви к ней, она попала в расставленную ею же самой ловушку. Все её дальнейшие попытки заговорить на тему возможности её поездки на заработки Бенли обрезал на корню. Сам же, очевидно, не на шутку вознамерился осуществить задуманный Кáрмен план и уже делал к этому некоторые шаги. От всего происходящего у Кáрмен шла голова кругом. Люс, как назло, исчезла, и с того самого дня, как она в полной эйфории уехала в Манилу, от неё не было ни слуху ни духу. Неизвестно было даже, передала ли она в агентство документы Кáрмен. «Скорей всего, эта чокнутая и не подумала этого сделать! – со злостью мнилось Кáрмен. – Улетела себе, небось, давно... У неё же от радости явное умопомрачение произошло!» Впрочем, это было не совсем похоже на Люс: уехать в другую страну на столь длительный срок и даже не позвонить, чтобы попрощаться?.. Она же столько раз уверяла Кáрмен, что считает её своей лучшей подругой. Ей, Кáрмен, конечно же, всё равно, что там считает эта несчастная дурочка, но всё же... Что-то здесь было не так, но что именно, Кáрмен уже не могла разобрать, так как всё снова виделось в чёрных красках, да и настроение было ни к черту.

...Дни шли за днями, незаметно сменяя один другой, когда однажды утром раздался неожиданный телефонный звонок.

– Могу я поговорить с миссис Пинсон? – послышался в трубке приятный женский голос с налётом официальности.

– Да, это я, – настороженно ответила Кáрмен, – я слушаю вас.

– Меня зовут Сюзанн Лопес, и я звоню вам из «Фил-рекрут», агентства по трудоустройству в Маниле. У нас имеются ваши документы, и мы хотели бы знать, заинтересованы ли вы ещё в возможности получить работу за рубежом?

От услышанного у Кáрмен перекрыло дыхание, и последующая пауза, видимо, показалась её собеседнице несколько долгой.

– Алло, алло, миссис Пинсон! Нас, кажется, разъединили?

– Да, да! То есть нет, нет! – наконец закричала Кáрмен, нервно сжимая в руках телефонную трубку. – Я очень заинтересована в работе!

– Очень хорошо. В таком случае я должна сообщить вам, что к нам поступила заявка на вас, и потенциальный работодатель просит об интервью с вами через Skure. Вы могли бы завтра утром подойти в наше агентство?

– О-о! – жалобно протянула Кáрмен, и сердце её упало, – я живу очень далеко от Манилы... Аврора... – начала лепетать она не совсем связно, – десять часов поездом... У меня нет такой возможности...

– Ну что ж, – деловито прервал её женский голос, – я передам это клиенту и сообщу вам о результате.

Послышались короткие гудки. Кáрмен в растерянности уставилась на телефонную трубку. И тут её обуяла паника: «Что я наделала?! Я должна была сказать, что приеду, что найду способ! А теперь она больше не перезвонит!.. И я даже не знаю, как с ними связаться! Какое это было агентство?.. И как её там фамилия: Лорес, Долорес? Или это имя?»

Кáрмен в отчаянии не находила себе места. Люс всё-таки сдержала своё обещание и, хоть и не попрощавшись, передала её документы. И вот он, долгожданный шанс! Он был так близко! А она, Кáрмен, сама же всё испортила!

Девушка судорожно сжимала и разжимала руки, не зная, что предпринять. В какой-то момент до неё донёсся захлёбывающийся вопль её дочери. Ребёнок, должно быть, проснулся

и плакал уже довольно давно, судя по истерическим ноткам в его криках, но Кáрмен даже не замечала этого. Наконец она медленно поднялась и шагом приговорённого человека направилась в комнату, откуда доносился плач.

Глава IV

Прошло три дня. Кáрмен бродила по дому как тень. У неё не оставалось уже ни сил, ни желания скрывать свои чувства от домашних. Всё было ненавистно ей вокруг: муж вызывал отвращение, ребёнок – раздражение, а всё окружающее – безразличие.

Бенли начал не на шутку волноваться за здоровье своей жены. На его письменном столе Кáрмен заметила небольшую книжицу. Прочитав название – «Послеродовая депрессия», – одна невесело усмехнулась: можно подумать, что то, что она чувствует, началось у неё после родов. Да она, ещё только забеременев, сообразила, что её теперь ждёт, и поняла, что такая жизнь её устраивать никак не может! Она бы и от плода-то отделалась с большим удовольствием, да вот Бенли не позволил. Дура была! Надо было никого не слушать, а делать то, что считала нужным. А теперь вот приходится сидеть, как узнице, дома, и просвета этому не видно. Хотя кто бы мог подумать, что такой любитель весёлой и беззаботной жизни, как Бенли, станет совершенно другим человеком за каких-то там полтора года?.. Ведь как здорово было раньше! Влюбив в себя самого популярного парня университета, Кáрмен и сама стала местной знаменитостью. Каждый вечер – шумные компании, разгульная жизнь, всё время что-то новенькое. Любой был рад затащить их в свою тусовку. Кáрмен тогда гордилась Бенли. Ещё бы! Красавчик, лучший спортсмен, всеми обожаемый. Даже у учителей он всегда был на особом счету: ему всегда готовы были натянуть оценку, как бы плохо он ни ответил. Но ещё больше Кáрмен гордилась собой! Ведь до неё Бенли менял подружек как перчатки, каждый семестр – новая. Соблазнить его, конечно, не составляло особого труда (Бенли был из тех парней, кто в отношении девушек твёрдо придерживался принципа «если женщина просит»), но вот удерживать его возле себя! О, этого до Кáрмен ещё никому не удавалось!

Окунувшись в воспоминания, она мечтательно взяла в руки фотографию Бенли, стоявшую на журнальном столике... А теперь, что с ним стало?.. Скучнее типа не найти во всей округе. Если бы Кáрмен хоть на минуту могла предположить, что из-за этого день и ночь визжащего комочка она буквально потеряет своего возлюбленного, она бы ни за что не позволила этому случиться! Но Бенли так настаивал на том, чтобы оставить ребёнка, уверял, что ей во всем поможет его мать... Кáрмен и расслабилась, поверив, что сразу после родов сможет сбрызнуть младенца на мамашу Бенли, которая уже и так вырастила целую толпу его братьев и сестёр (одним больше, одним меньше), а они смогут спокойно продолжить полюбившийся образ жизни. Но, к огромному удивлению Кáрмен, муж вдруг стал старательно играть роль добропорядочного семьянина; заставлял её кормить ребёнка грудью, а в связи с этим не позволял ни капли алкоголя; уверял, что хождения в ночные клубы будут ей только во вред, да и сам после работы всё время торчал дома.

Поток невесёлых мыслей Кáрмен был прерван телефонным звонком. «О боже! – простонала она. – Это уже третий раз за сегодняшнее утро! Лучше бы он волновался за моё здоровье каким-то другим способом да вывел бы куда-нибудь поразвлечься...» Кáрмен медлила подходить к телефону, но в конце концов, решив, что лучше ответить, чем усугублять вероятность того, что звонок сейчас разбудит ребёнка, двинулась к аппарату. В общем-то, девочка последнее время стала гораздо более сносной и спала по много часов в день. Кáрмен, как могла, способствовала этому: она просто не выносила дочь, когда та бодрствовала.

– Да, дорогой, со мной всё в порядке, я великолепно себя чувствую, – на этот раз решив опередить мужа, протараторила она в трубку.

– Excuse me, may I talk to Mrs Pinson?¹ – неожиданно услышала Кáрмен в ответ. Женщина, говорящая на другом конце провода, явно не являлась её мужем и, судя по обращению по-английски, была иностранкой.

– Я вас слушаю, – ответила ей Кáрмен в замешательстве, хотя и стараясь как можно быстрее перестроиться на другой язык.

– Меня зовут Мария Лазаридис, и я звоню вам с Кипра. Мы подыскиваем себе домработницу, и в агентстве нам дали ваш телефон. Я бы хотела задать вам несколько вопросов.

Затем последовал целый допрос, в основном касающийся анкетных данных Кáрмен. На вопросы отвечать было довольно-таки легко: английский, к счастью, был вторым, после филиппино, языком на Филиппинах.

Не знать его могли лишь самые бедные слои населения и люди более пожилого возраста, так как до 1986 года испанский язык изучался в школах вместо английского и выступал в стране в качестве лингва франка. К тому же девушка достаточно быстро сообразила, что чем длиннее и пространнее её собственный ответ, тем более воодушевлённо звучит голос её собеседницы. Видимо, для будущей работодателям её знание английского имело решающее значение. В конце беседы та удовлетворённо объявила:

– Было очень приятно с вами пообщаться! Надеюсь вскорости увидеть вас на Кипре.

Кáрмен в восторге прыгала на одной ножке! Судьба дала ей ещё один шанс, и наконец-то ей удалось использовать его по назначению. Буквально через десять минут последовал ещё один телефонный звонок, на этот раз от Сюзанн Лопес из агентства, подтверждающий приглашение на работу. Оказалось, что её будущая хозяйка уже имела плачевный опыт со своей предыдущей домработницей, которая ни слова не могла произнести по-английски, и поэтому хотела собственноручно убедиться, что в данном случае всё в порядке.

Вечером с работы вернулся муж.

– Люс передавала тебе привет, – бросил он с порога.

– Как Люс?! Она тебе что, звонила?!

«Почему не мне?» – удивлённо промелькнуло у Кáрмен в голове.

– Зачем сразу звонила? – Бенли пожал плечами от неуместного вопроса, углядев в нем намёк на ревность. – Я по дороге домой её встретил. Она откуда-то вернулась недавно, кажется. Сказала, что на днях к тебе зайдёт.

Всё это выглядело более чем странно, но размышлять над этим Кáрмен вовсе не хотелось: теперь ей было с кем поделиться её важной новостью!

– Бенли, миленький, ты побудешь с нашей маленькой Сюзии? Я ужас как соскучилась по Люс: хочу к ней сегодня же сходить сама!

– Конечно же, дорогая, иди, если тебе так хочется, – и, хотя Бенли был несколько удивлён столь горячими эмоциями жены (по отношению к своей подруге она обычно отзывалась в более скучном тоне и пренебрежительной манере), он посчитал, что в её теперешнем состоянии приятная встреча может вполне пойти ей на пользу.

Кáрмен тут же бросилась собираться и через пять минут, полная энтузиазма, уже летела по нешироким улочкам Авроры.

– Люс! – что есть сил закричала она, буквально врываясь в дом своей подруги.

Та стояла у распахнутого окна и в ответ на крики повернула к входящей своё заплаканное лицо. Кáрмен, которую душила её собственная радость, даже не заметила этого.

– Боже! Что я тебе сейчас скажу! Ты просто умрёшь: я тоже еду! Мы едем вдвоём, представляешь!? Кстати, куда именно тебе предложили контракт? Случайно, не на Крит, или Кипр, или... ну, в общем, какой-то остров в Средиземном море. А то как бы здорово было поехать

¹ Простите, могу я поговорить с миссис Пинсон? (англ.)

вместе! – Кáрмен остановила на секунду свою тираду, чтобы вдохнуть глоток воздуха, и только сейчас обнаружила, что с её подругой что-то не так.

– Кстати, а как это ты до сих пор не уехала? Я-то уже, грешным делом, вообразила, что ты давным-давно укатила и на радостях даже не передала мои документы... – начиная подозревать что-то неладное, осторожно спросила она.

Люс всё ещё стояла в каком-то ступоре и, не отвечая, глядела на подругу холодным и неподвижным взглядом. «Взглядом, полным ненависти» – мелькнуло в голове у Кáрмен, и она вздрогнула от неуютного ощущения.

– Да не молчи ты! Объясни толком, в чём дело! – нервозно прикрикнула она.

Глаза Люс сузились ещё больше, когда она глухо ответила:

– Я никуда не еду. Контракт сорвался, и документы, в которые я вложила все мои деньги, через пару месяцев будут просрочены. Если учитывать, что и этого предложения я дожидалась восемь месяцев, шансов не остаётся совершенно никаких. А ты хочешь мне сейчас сказать, что тебя уже выбрали?..

– Ну да, ты же уехала около месяца назад, – неуверенно пробормотала Кáрмен, – а в таких делах, как в лотерее, всё может случиться в любой момент: и через месяц, и через два. Да не переживай ты так! Наверняка ещё что-нибудь появится в ближайшее время.

– Я отдала твои документы две недели назад, – игнорируя последнюю фразу, неживым голосом отчеканила Люс.

Кáрмен вдруг почувствовала, что если она ещё хоть немного останется в этой атмосфере отчаяния и неприкрытой неприязни, то растеряет своё собственное ликующее настроение, и, махнув досадно рукой, она буркнула:

– Ладно, поговорим в другой раз...

Глава V

Уговорить Бенли согласиться на её отъезд оказалось очень нелегко, но всё же Кáрмен это удалось. Самым мощным аргументом стало то, что после недолгих подсчётов выяснилось: доход от контракта даёт им вполне реальную возможность купить ферму или какой-нибудь другой бизнес. А затем Кáрмен клялась и божилась, они будут неразлучны до конца дней своих! Не забыла она использовать и ещё один веский довод, приведя в пример Люс: мол, видишь, как люди долго ждут такого шанса? А он ещё и сорваться может. К нам же – сам в руки идёт!

После долгих уговоров Бенли наконец-то сдался. Все последующие дни перед отъездом в Манилу протекали в ажиотаже и полной суматохе. Муж несколько раз порывался взять билет на поезд, чтобы отвезти Кáрмен в столицу, но та категорически ему это запрещала, ссылаясь в основном на маленькую Сюзи, которая, бедняжка, тогда останется без мамы и без папы. Реальная причина, конечно же, крылась совсем в другом: Кáрмен торопилась вдохнуть в свои лёгкие глоток воздуха свободы, ей до чёртиков надоело здесь всё, включая мужа. В Маниле она собиралась остановиться у старенькой тётки, так как нужно было ещё пройти медкомиссию и отнести все документы в Министерство Иностранных дел за специальными печатями, а затем, отослав всё на Кипр, ждать, когда придёт виза. Это вполне могло занять ещё пару недель.

И вот он, долгожданный день отъезда! На перроне собралась целая толпа родственников, в основном родня мужа во главе с ним самим, держащим на руках Сюзи. Как ни странно, глядя на свою столь нелюбимую дочку, сегодня Кáрмен испытывала чувства, чем-то отдалённо напоминающие материнские. Доселе неведанная ей нежность сжала сердце, когда она, по привычке разыгрывая спектакль, взяла ребёнка на руки, чтобы поцеловать. Глядя в не по-детски печальные глаза девочки, она вдруг почувствовала острое, щемящее чувство в груди, что-то сродни болезненному сожалению, и ощущение чего-то необъяснимого и ужасного, но такого, что ещё можно исправить здесь и сейчас, обжигающей волной охватило её душу... Кáрмен пошатнулась и беспомощно оглянулась назад, в полной растерянности не отдавая себе отчёт, зачем она это делает. Внезапно она выхватила из толпы провожающих взгляд Люс – всё тот же холодный, неподвижный и полный ненависти взгляд, какой остался в её памяти от их последней встречи. Девушки молча смотрели друг на друга: Кáрмен – затравленно и испуганно, Люс – отчуждённо и не по-доброму. Казалось, между подругами детства происходит какой-то немой диалог. Вдруг Кáрмен почувствовала тепло рук на своём теле: это муж, заметив её нехорошее состояние, обнимал её, чтобы как-то поддержать. Взглянув в его лицо, она увидела, что он откровенно плачет, не пытаясь даже скрывать это от окружающих. Как ни странно, кольцо этих любящих рук не только не успокоило Кáрмен, но ещё более усилило в ней непонятно откуда взявшуюся и всё нарастающую тревогу. Ей вдруг захотелось всем телом прижаться к Бенли и никуда-никуда не уезжать из этой тихой и безопасной гавани, которой в эти мгновения неожиданно увиделась ей её жизнь в Авроре. Жар, распирающий её изнутри, становился всё сильнее, и казалось, спазмы сжимают её горло, не давая дышать. В этот момент она заметила приближающуюся Люс. Кáрмен медленно отстранилась от мужа и подошла к подруге.

– Что застыла? – насмешливо бросила ей та, оттягивая Кáрмен всё дальше от Бенли. – Его слезы высохнут, как только поезд тронется с места. Покажи мне хоть кого, кто бы действительно ждал свою жену. Они только деньги и ждут, а затем тратят их и заводят себе любовниц!

Кáрмен знала, что Люс попросту завидует ей, завидует её везучести, тому, что она так сильно любима, но циничные слова уже посеяли свои семена, и Кáрмен, ещё раз в сомнении оглянувшись на мужа, почувствовала, что неизвестно как накатившая на неё тяжесть в сердце куда-то исчезает, а вместе с ней проходит и чувство чего-то неправильного и непоправимого.

Уже с повеселевшим видом она окинула в последний раз толпу провожающих её людей и решительно шагнула на ступеньку поезда.

Глава VI

В Маниле делать оказалась совершенно нечего. Не имея в огромном городе ни единой знакомой души, за исключением престарелой тётушки, Кáрмен не знала, куда ей пойти и чем заняться. Постаравшись как можно быстрее справиться с документами и отослать их на Кипр, она с нетерпением ждала разрешения на въезд. Бенли звонил каждый день, объясняя подобную расточительность тем, что вскоре, разделённые океаном, они не смогут себе позволить и этого. Кáрмен снисходительно выслушивала его бесконечные признания в любви, жалобы на то, как ему пусто без неё, и подробные отчёты о развитии Сюзи, наподобие того, что сегодня она три раза засмеялась, а вчера не съела всю кашу. Всё это навевало на Кáрмен сонливость и зевоту, и только к концу разговора она обычно начинала забавляться: последние две минуты, перед тем как положить трубку, муж уделял Люс: говорил о том, какая она оказалась преданная подруга и как каждый день навещает Сюзи, помогая им чем может.

«Это она тебя навещает, дорогой мой! – усмехалась про себя Кáрмен. – Ну-ну, что там ещё задумала эта глупая курица?.. Как это я сразу не догадалась, что она по уши в него влюблена? Что ж, даже если Бенли решит тряхнуть стариной и осчастливит её парочкой-другой ночек, с меня не убудет, но ничего большего ей точно не светит. Снова потом будет слёзы проливать...» Размышления о тщетных трепыханиях так называемой «преданной подруги» несколько скрашивали свободный досуг, развлекая Кáрмен, но всё остальное время она в мучительном нетерпении ожидала отъезда.

Визу она получила на руки вместе с билетами и оставшиеся два дня провела в приподнятом настроении, упаковывая чемоданы. Перелёт дался ей неожиданно тяжело: она ещё никогда не проводила столько часов в самолёте и чувствовала лёгкий приступ клаустрофобии. До Абу-Даби выдержать ещё было можно, но, просидев в аэропорту пять часов в ожидании транзитного самолёта, летящего в Ларнаку, она не могла заставить себя вступить на его трап без содрогания.

И вот наконец, измученная и уставшая, пройдя паспортный контроль и получив чемоданы, еле волоча ноги, она вошла в зал ожидания. Напротив выхода она заметила людей, выстроившихся в ряд и держащих в руках таблички. На одной из них огромными красными буквами было написано: «Кáрмен Кадорна Пинсон». Кáрмен медленно направилась к ней. Как замороженная, она не сводила глаз с этих огромных алых букв, собранных вместе, чтобы обозначить её имя. Что-то странное было в них – не такое, как на других табличках, что-то, что пугало её и одновременно притягивало. Медленно двигаясь, Кáрмен всё напряжённее всматривалась в них, и в какое-то мгновение её воспалённые глаза увидели, как красные линии букв превращаются в огненные полосы, а её имя ярко пылает на белоснежной бумаге. В суеверном ужасе она протянула руку вперёд, пытаясь коснуться красных языков пламени, в то же время борясь с противоестественным желанием и... её ладонь оказалась в широкой смуглой руке человека, держащего табличку.

– Добро пожаловать, Миссис Пинсон! Меня зовут Харис Лазаридис, я – ваш работодатель, – весело проговорил он на английском языке, тряся её руку в радушном рукопожатии.

Кáрмен впервые взглянула на человека, держащего картонный лист с её именем, и увидела перед собой мужчину средних лет, смуглого, темноволосого, с чуть серебряными висками и весёлым лицом. Уже придя в себя, она ещё раз пугливо взглянула на табличку и сразу поняла, что же в ней было такого необычного и так сильно отличало её от других: буквы на всех остальных были написаны чёрными чернилами.

Мужчина удовлетворённо оглядывал Кáрмен с ног до головы. В глазах его поблёскивали шkodливые чёртики, а губы то и дело расплывались в улыбке. Он с лёгкостью подхватил один из чемоданов Кáрмен и направился к выходу из аэропорта. Задыхаясь от августовского жар-

кого полуденного солнца, она чуть переставляла ноги и вот-вот готова была упасть в обморок, когда наконец они остановились перед огромным чёрным «Лэнд-Крузером». Заметив состояние девушки, мужчина поинтересовался, хорошо ли она переносит жару. Кáрмен вынуждена была признать, что погода на Филиппинах сейчас приблизительно такая же и что даже влажность более высокая, но, видимо, проведя больше суток под кондиционерами самолётов и аэропортов, её организм среагировал на разницу температур подобным образом. К тому же с мая по ноябрь на Филиппинах проходил сезон дождей, и, благодаря этому и ещё сильным муссонам, жара так сильно не ощущалась.

Кáрмен с удовольствием устроилась на просторном заднем сидении джипа, и последнее, что она успела запомнить, перед тем как провалиться в сладкую тяжёлую дрёму, – это жадный пристальный взгляд её водителя, отражающийся в зеркале заднего вида. Всю дорогу ей снились красные языки пламени, пожирающие белоснежную девственность бумаги, на которой, как она знала, должно было быть написано её имя...

Глава VII

Первые дни после своего приезда на Кипр Кáрмен провела в каком-то подвешенном состоянии. Менее двух месяцев отделяло её от того дня, когда она сидела в своей комнате в Авроре и мечтала о том, как окажется в далёкой неизвестной стране, где жизнь её превратится в череду сплошных праздников и где ждёт её множество самых различных удовольствий и приключений. И вот мечты её сбылись: она здесь, вдали от дома и опостылевшего мужа, но почему же вместо ожидаемых радостных эмоций она не испытывает ровным счётом ничего?.. Серые будни в чужом доме, в чужой семье совсем не походили на тот фейерверк впечатлений, который она ожидала найти здесь. В обязанностях домработницы было мало чего привлекательного и романтического. Кáрмен с безразличным видом обходила весь дом следом за своей хозяйкой (мадам Марией, как она просила себя величать), пытаясь запомнить, что и каким чистящим средством она должна чистить. Работодательница оказалась довольно непривлекательной женщиной внушительных размеров, которой было около сорока лет. В первый же день она засыпала Кáрмен уймой вопросов о её жизни на Филиппинах – то ли из праздного любопытства, то ли для того, чтобы в очередной раз убедиться в её хорошем английском. Посочувствовала, что она, бедная-несчастливая, вынуждена была оставить такого маленького ребёнка, чтобы зарабатывать на жизнь, и пообещала, что здесь к ней все будут хорошо относиться.

Дом располагался в окрестностях Никосии – столицы, как успели оповестить Кáрмен. Это было средних размеров двухэтажное строение жёлтого цвета, с трёх сторон к которому плотно прилипали другие дома. Впрочем, между ними всё же оставалось расстояние в пару метров, но со стороны дома казались наседающими один на другой. В своём родном городке Кáрмен привыкла к огородам и садам, окружающим каждый домик и, таким образом, создающим нейтральную разделительную зону между соседями. Здесь же было ощущение полного отсутствия приватности...

Белые, жёлтые, светло-кофейные и светло-розовые здания, похожие друг на друга, выстроились в ряд по обе стороны неширокой улицы. Почти все они были ухоженными, свежееккрашенными, с аккуратными клумбами цветов и кустарников. То тут, то там встречался какой-нибудь домик, совершенно утопающий в зелени, но большинство всё же красовалось чистыми и пустыми верандами с одним-двумя деревцами вдоль ограды. К таким домам и принадлежал дом мадам Лазаридис. По всей видимости, хозяйка не очень-то жаловала растительность на территории своих владений. В этом Кáрмен успела убедиться после двух-трёх склок мадам Марии с её соседями из-за листьев их деревьев, бессовестно падающих на её сияющую чистотой веранду.

В общем же и целом она была несколько шокирована бедностью окружающей флоры, так как – в контраст Кипру – около половины территории Филиппин было покрыто влажными тропическими лесами.

У четы Лазаридис имелось двое детей: мальчик четырнадцати лет и девочка лет двенадцати. Оба были вылитыми копиями своей мамы, включая её достоинства и недостатки. Любимое место обитания у всех троих была кухня, а вернее, холодильник. Членов семьи Лазаридис, за исключением разве что главы семейства, можно было застать там в любое время суток. Кáрмен, конечно же, относилась к людям, приветствующим удовольствия в их различной форме и проявлении и ценящим привлекательные стороны жизни, но всему же есть предел! Столь очевидная страсть к еде вызывала у неё лишь отвращение. Подтверждая важность, с какой в их семье относились к питанию, мадам принялась с самым серьёзным видом обучать Кáрмен искусству кулинарии. Обмолвившись при этом, что, хотя таким деликатным делом, как приготовление пищи, будет, в общем-то, заниматься она сама, домработница всё же должна быть на подхвате.

Дети обращали мало внимания на появление нового человека в доме, скорее всего, не более чем на небольшое изменение в интерьере. Сразу было видно, что обременять себя хлопотами по уборке за собой не входило в их привычки. Всюду, где они задерживались более чем на пять минут, появлялась горка из фантиков, фольги от шоколада и пакетов из-под чипсов. Таким образом, проследить их путь перемещения по дому не составляло особого труда.

К концу первого месяца пребывания Кáрмен в семье Лазаридис жизнь в доме постепенно вошла в свою колею. Хозяева, казалось, были очень довольны своим новым приобретением в лице Кáрмен. Сэр Харис, проявивший себя человеком, недвусмысленно интересующимся противоположным полом, был явно рад присутствию молодой красивой женщины в доме. Его взгляд из скучного и полусонного, обращённого на жену, загорался весёлыми игривыми искорками при появлении в комнате Кáрмен. Мадам Мария была же в полном восторге от того, как Кáрмен мыла окна. А мыла она их и вправду до блеска: в полном остервенении механически натирала стеклянную поверхность, в сердцах кляня свою судьбу и бесконечно задаваясь вопросами, что же ей теперь делать в жизни дальше. Единственной отдушиной были прогулки по вечерам с собакой. Сэр Харис был заядлый охотник и по воскресеньям частенько уходил спозаранку в горы, беря с собою пса. Судя по его редкой и немногочисленной добыче (в лучшем случае это была одна-единственная куропатка), живности в кипрских лесах оставалось немного. Количество охотников явно превосходило количество зайцев или ещё кого бы то ни было, более или менее подходящего на роль добычи, так как время от времени по телевизору выдавали новости о том, что какой-то горе-охотник по ошибке подстрелил своего бедолагу-собрата, охотящегося из-за соседних кустов.

Собака была охотничьей породы, а потому на прогулках вела себя соответствующим образом. Но Кáрмен это не особо раздражало. Прыжки, пробежки и резкие торможения, чтобы хоть как-то контролировать пса, заставляли её отвлекаться от невесёлых мыслей, а также давали возможность, не останавливаясь, быстро проходить улицу, оправдывая её упорное игнорирование своих коллег, работающих в соседских домах, и, судя по их внешности, её же сородичей. Особенно не затрудняясь в поисках объяснений этому немного странному чувству, Кáрмен не испытывала ни малейшего желания вступать в какие-либо дружеские отношения с другими азиатскими девушками. Сейчас работа домработницы казалась ей просто унижительной, а все остальные филиппинки – дурочками, попавшими, как и она, впросак. Возвращаясь с прогулок, Кáрмен обычно ощущала лёгкий прилив энергии, но каждый раз перед сном мучительное чувство безысходности накатывало сызнова. Из-за нежелания быть там, где она есть, и нежелания возвращаться туда, откуда она приехала, складывалось ощущение западни.

В последний день месяца Кáрмен получила свою первую зарплату. Обладание довольно существенной для неё суммой денег несколько вывело её из эмоциональной спячки, вызвав в голове кучу вопросов, как же с ней поступить. Изначальное планирование с Бенли о том, что она будет отсылать деньги на Филиппины, перестало ей казаться таким уж логичным вариантом. В конце концов зачем же ей здесь прозябать, если ничего и не иметь в кармане? Поэтому после недолгих раздумий Кáрмен отправилась в единственный небольшой магазинчик, который ютился в начале улицы возле уходящего в город шоссе и на витрине которого виднелись разноцветные женские платья. Удовольствие, которое она получала, облачая своё стройное тело то в голубой сатин, то в зелёный шёлк, ни с чем нельзя было сравнить. В конце концов она остановила свой выбор на ярком облегающем платье малинового цвета, выгодно подчёркивающим её смуглую кожу и чёрные шёлковые волосы. Глядя в зеркало, Кáрмен видела себя идущей под руку с молодым красивым человеком, открывающим ей двери в шикарный ресторан. «Ах, ну почему Бенли не богат?!» – горестно вздохнула она, впервые за долгое время вспоминая мужа с сожалением. Во всём остальном он вполне бы мог соответствовать её представле-

нию об идеальном мужчине. Сильный, нежный, весёлый... Затем в голове промелькнули воспоминания о том, как сильно он изменился в последнее время вследствие их семейной жизни, и приятная картинка окрасилась в скучные тона. «Нет, с Бенли всё покончено, я не намерена к нему возвращаться!» – твёрдо сказала она себе и направилась к кассе, чтобы расплатиться. Её совершенно не волновало, что скидки давно прошли и что ценник на её платье составляет добрую треть её зарплаты. Она с лёгким сердцем шла по улице домой, нежно прижимая к себе яркую и ласкающую глаз ткань.

Весь день Кáрмен находилась в приподнятом настроении. Мысль о малиновом сокровище, висящем на вешалке в её комнате, наполняла её сладостным предвкушением. Вечером, как только мадам Мария позволила ей удалиться к себе, Кáрмен сразу же бросилась наряжаться в новое платье. Всё бы ничего, она действительно получала удовольствие от ощущения лёгкой шелковистой ткани на коже, но... Было одно досадное недоразумение: в комнате Кáрмен не было ни одной хоть сколько-нибудь отражающей поверхности! В маленьком карманном зеркальце виднелись лишь пазлы малинового цвета... То, что ей было нужно, находилось в спальне её хозяев. Огромное, в полный рост, зеркало стояло напротив кровати, отражая в себе полкомнаты. Хорошенько рассудив, Кáрмен подумала, что лучше будет пойти туда завтра, когда взрослые будут на работе, а дети в школе. Но острое желание постепенно взяло верх.

Кáрмен тихонько отворила дверь и выглянула в коридор, на лестницу. Снизу доносился мерный гул голосов. Слава богу, все находились на первом этаже! Кáрмен неслышно проскользнула в спальню напротив, слегка прикрыв за собой дверь. Быстро повернув выключатель, она слегка поморщилась от резкого света и в тот же миг увидела напротив себя прелестную черноволосую нимфу в умопомрачительном ярко-красном платье. Повернувшись боком, она оценивающим взглядом окидывала свой силуэт и вдруг уловила какой-то приглушённый звук, доносящийся из глубины комнаты. Кáрмен в ужасе замерла, уставившись на себя в зеркало. В тот же миг фон за её спиной приобрёл чёткие очертания, и её глаза встретились с пожирающими её глазами сэра Хариса, лежащего на постели. Непонятные звуки нашли себе объяснение, оказавшись сдавленным и прерывистым дыханием мужчины. В полном смятении, пытаясь сообразить, что же ей сейчас предпринять, Кáрмен на секунду застыла на месте. Этой секунды оказалось достаточно, чтобы мужчина оказался у двери и, повернув ключ, бросился на Кáрмен. Слеплённый страстью, он повалил её на кровать, одновременно сдирая платье. Послышался треск разрывающейся ткани. «Платье, моё малиновое сокровище!» – пронеслось в голове, и в то же мгновение Кáрмен пришла в себя, залепив сэру Харису увесистую пощёчину. Тот, в свою очередь, опешил и чуть ослабил хватку, ошарашенно взглянув на неё. Кáрмен воспользовалась моментом, чтобы вцепиться ему в лицо, и стала царапать, как кошка. Издав какое-то нечленораздельное мычание, сэр Харис заломил ей обе руки за головой и впился жадным поцелуем в губы. Кáрмен буквально задохнулась от отвращения и ужасающей тяжести, придавливающей её тело. В голове зашумело, и перед глазами заплясали красные язычки пламени. Не имея возможности даже пошевелиться, испытывая острую нехватку воздуха, Кáрмен сделала единственно возможное в её положении движение: что было силы сжала челюсти. Что-то тёплое и солёное хлынуло ей в рот. Рыча, как раненый зверь, мужчина наконец отпрянул от неё, схватившись за лицо. Кáрмен судорожно хватала ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание, чтобы заорать. Как бы предугадав её намерение, он оторвал правую руку от лица и вытянул её вперёд в умоляющем жесте. Вся поверхность его ладони была залита красным, также как и его подбородок. «Боже! Меня преследует этот цвет!» – в каком-то суеверном ужасе пронеслось в голове у девушки. Клубком скатившись с постели и отбежав в дальний угол, Кáрмен с ненавистью прохрипела:

– Я... сейчас же... звоню в полицию...

От вида страстного самца не осталось и следа: сейчас на неё смотрел испуганный и малопривлекательный представитель так называемого сильного пола. Размазывая кровь по лицу,

пытаясь остановить капельки, стекавшие ему на рубашку, сэра Харис начал что-то быстро и неразборчиво бормотать. И в этот момент Кармен увидела всю развернувшуюся картину в пресловутом огромном зеркале: две взлохмаченные фигуры с окровавленными ртами, как у вампиров, с потрясённым видом стояли друг напротив друга. Не в силах сдержаться, Кармен принялась безудержно хохотать. Смех вышел силным из-за пересохшего горла, и она тут же закашлялась. Во рту ощущался какой-то странный привкус дыма. «Видимо, то было следствием затяжного поцелуя заядлого курильщика сэра Хариса», – пришло ей в голову более-менее правдоподобное объяснение. Зайдя в ванную комнату, относящуюся непосредственно к спальне, она открыла кран и принялась умываться и полоскать рот. Сэр Харис с жалким видом потянулся за ней. Было видно, что он готов на всё, лишь бы только замять надвигающийся скандал. Кармен начала приводить в порядок платье и тут же увидела, что её драгоценной обновке нанесён непоправимый ущерб: от груди и до живота весь перед был разорван. Почувствовав новый приступ ярости, она медленно подняла голову и уставилась ледяным красноречивым взглядом на своего хозяина.

– Я понял, понял! – сразу засуетился тот, бросаясь за портмоне и вытягивая денежную купюру. – Этого тебе с лихвой хватит, чтобы купить такое же! – бодро заключил он.

– Ну уж, с лихвой! Вы явно недооцениваете эту вещь, – Кармен даже искренне обиделась за своё новоприобретение.

Сэр Харис тут же вытащил две очередных купюры, и общая сумма сравнялась со вчерашней полученной месячной зарплатой. Кармен великодушно протянула руку, забирая деньги, и двинулась прочь из комнаты. Инцидент был замят.

Глава VIII

На следующий день мадам Мария долго и подозрительно вглядывалась в лицо своей домработницы. Объяснения мужа по поводу его разукрашенной физиономии явно были не особенно убедительными и оставили в её душе сомнения. Сэр Харис просидел весь вечер в салоне, прикрывшись газеткой. Кáрмен же вела себя самым естественным образом. Хозяйина она не слишком-то опасалась, сразу раскусив в нем труса, до смерти боящегося семейных скандалов. Жене своей он изменял безбожно – Кáрмен это было понятно сразу, – но всё обставлял тихо и красиво, так что мадам Марии приходилось лишь молча проглатывать очередную басню о том, как он задержался на работе, в поте лица увеличивая благосостояние их семьи. Однако полной душой его жена всё же не была: ревность снедала её изнутри, выливаясь в периодические истерики и очередные килограммы. Вот и сейчас что-то подсказывало ей, что здесь не всё чисто. Она исподтишка следила за каждым движением Кáрмен.

Так продолжалось и в последующие дни. Таким образом, от её взгляда не ускользнуло и то, что в ушах девушки появились маленькие изящные бриллиантики. Кáрмен обнаружила их под подушкой дней пять спустя, после того как хозяин пытался её изнасиловать, и тотчас же их нацепила. То, каким образом он заглаживал свою вину, ей крайне импонировало, и она не видела никакой причины для того, чтобы не пользоваться этим. На вопрос хозяйки, откуда у неё взялись эти серёжки, она спокойно ответила, что привезла их с собой.

В общем-то, весь инцидент несколько развеял пессимистический настрой Кáрмен. Накалённая атмосфера в доме последних дней даже веселила её. За первым подарком последовал второй – в виде золотой цепочки, – а затем и сэр Харис – собственной персоной в её комнате. На этот раз он был выдержан в своих эмоциях и попытку соблазнить её провёл мягко и ненавязчиво. Кáрмен ещё раз сурово напомнила ему про её готовность воспользоваться услугами полиции, и хозяин без шума ретировался. Однако от своих собственных намерений, очевидно, он отказываться не собирался.

Однажды во время вечерней прогулки с собакой возле Кáрмен остановилась машина. Затонированное окно опустилось, и из него показалась голова всё того же сэра Хариса. Кáрмен насмешливо выжидала, с трудом удерживая пса. Поинтересовавшись для вежливости, как проходит прогулка, он, казалось, готовился перейти к некой волнующей его теме. В этот момент собака выдернула поводок и бросилась бежать по улице. Хозяин даже не обратил внимания на то, что сейчас может лишиться своего дорогостоящего пса.

– Кáрмен, послушай, ты же не только красивая, но и умная, – начал он. – Ты же понимаешь, что при желании я могу иметь любую женщину. Считай, что тебе повезло, что ты мне так понравилась, и будь благодарна судьбе. А я, в свою очередь, щедро отблагодарю тебя. Ты же хотела бы привезти домой сумму посolidнее твоей зарплаты, не так ли?

– Если я захочу привезти домой сумму посolidнее моей зарплаты, то смогу это сделать и без вашего непосредственного участия. Есть мужчины и помоложе! – дерзко ответила она и двинулась вслед за убегающей собакой.

– Проституция нелегальна на Кипре! – разъярённо закричал отвергнутый мужчина и, с силой надавив на газ, унёсся прочь на большой скорости.

Собака между тем, резко поменяв направление, побежала в сторону одного из крайних домов. Завиляв хвостом, она стала обнюхивать маленького чёрного пуделя, находящегося по другую сторону ограды. Кáрмен, запыхавшись, подошла и уже готова была схватиться за тянувшийся по земле поводок, как услышала над собой женский голос, говорящей на её родном тагальском наречии.

– Очень шустрая собачка! Я каждый день наблюдаю, как ты с ней мучаешься! – слова прозвучали дружелюбно и непринуждённо. – Меня зовут Сесилия.

Кáрмен выпрямилась и увидела перед собой несколько расположенную к полноте девушку одного с ней возраста, протягивающей ей ладонь для рукопожатия. Забыв про своё намерение не заводить дружбу со своими сородичами, Кáрмен непроизвольно почувствовала симпатию к незнакомке. После небольшого обмена типичными при первом знакомстве фразами Сесилия вдруг спросила:

– Кстати, а что ты собираешься делать в воскресенье?

Вопрос показался Кáрмен по меньшей мере странным:

– А что тут можно делать? Отсыпаться, телевизор смотреть...

– И ты даже не выходишь в город? – крайне удивлённо поинтересовалась новая знакомая.

– Я даже не имею понятия, как туда добираться! – рассмеялась Кáрмен.

Теперь ей показалось уже странным своё собственное поведение и тот факт, что за два с лишним месяца она так и не собралась выбраться куда-либо далее, чем эта самая улица.

– В таком случае я беру тебя с собой! – опекающим тоном воскликнула Сесилия. – Автобус уходит в 7:20. Остановка находится вон за тем поворотом. Не забудь взять с собой деньги!

Согласовав последние детали, девушки расстались до ближайшего выходного.

Глава IX

Проснувшись рано утром в воскресенье, Кáрмен с удовольствием подумала о том, что начинающийся день впервые за долгое время обещает быть интересным. Она сладко потянулась и отправилась выбирать одежду на выход.

...Захлопнув за собой дверь, она мельком взглянула на окна второго этажа и краем глаза успела заметить лёгкое движение занавесок: видимо, кто-то из обитателей дома проявлял любопытство. Так рано мог встать только хозяин, но последнее время он что-то не сильно выказывал интерес к Кáрмен в целом. Очевидно, оскорбление, нанесённое ему домработницей, серьёзным образом охладило его пыл. Усмехнувшись, Кáрмен выбросила его из головы и бодрым шагом отправилась на остановку.

Там её уже поджидала Сесилия. В приподнятом настроении девушки щебетали всю дорогу. По прибытии в центр Никосии новая подружка Кáрмен первым делом показала ей, где находится интернет-кафе, банк и откуда можно отправить деньги на Филиппины самым дешёвым способом. Приличия ради Кáрмен решила сразу же этим воспользоваться, благо денег у неё было больше, чем, в общем-то, должно было быть. Заодно уж она решилась и на звонок Бенли. В Авроре сейчас был вечер, и муж очень огорчился, что успел уже уложить Сюзи спать и что теперь она не сможет услышать голос дорогой мамочки. Кáрмен заверила его, что с ней всё в порядке, что она безумно по всем скучает, и поспешила завершить разговор, сославшись на вынужденную экономию денежных средств.

В дальнейшие планы девушек входил поход по магазинам. Сесилия повела Кáрмен узкими кривыми улочками, уходящими в разные стороны от главной, выложенной булыжниками, дороги старинного никосийского центра, где, к её удивлению, обнаружилось большое количество крохотных магазинчиков, забитыми самым разным тряпьем по очень низким ценам. Встречались там и довольно приличные вещи: например, очень скоро Кáрмен раскопала красное облегающее платье, ничуть не уступающее тому любимому и изодранному в клочья похотливым хозяином.

Посвятив сему приятному времяпровождению несколько часов, девушки, довольные и уставшие, отправились на обед. Вот тут-то Кáрмен и оказалась в самой гуще людской толпы, состоящей из выходцев с Филиппин, Шри-Ланки, Индии, Пакистана и Китая. Ощущение было такое, что она находится если и не на родине, то, по крайней мере, в какой-то азиатской стране. То тут, то там слышалась её родная речь.

– Я и не знала, что здесь есть столько наших... – растерянно прошептала она подруге.

Люди вокруг веселились, торговали, обедали, отдыхали. Сесилия потянула её за рукав по направлению к небольшому кружку девушек и парней, сидящих прямо на траве и жующих сэндвичи.

– Знакомьтесь, это наша новенькая! – представила она им Кáрмен.

Все как по команде усталились на девушку. Впрочем, в том, как они рассматривали её, не было ничего враждебного, наоборот, глаза их смотрели дружелюбно и открыто. Кáрмен вдруг почувствовала себя так же, как в старые добрые времена в университете. Только вот рядом не было больше Бенли... Зато было много других симпатичных и весёлых парней, обещающих не заставлять её скучать.

Домой они с Сесилией вернулись только поздно вечером. Уставшая, но счастливая Кáрмен легла спать, с удовольствием вспоминая прошедший день.

С этого момента ей показалось, что жизнь начинает раскрашиваться в более яркие и приятные краски.

Глава X

Поскольку работодатели её новой подруги были очень богатыми людьми, то и условия для проживания своей домработницы они создали очень неплохие. Сесилия жила в отдельном маленьком домике на территории их сада и имела в своём распоряжении телевизор и видеомагнитофон. Кáрмен стала её завсегдатаем. Каждый вечер они усаживались смотреть какой-нибудь новый фильм из коллекции своих хозяев, а по воскресеньям непременно уезжали в город на весёлые посиделки в большой компании таких же, как они, филиппинцев, работающих по контракту на Кипре. Кáрмен, без сомнения, пользовалась большой популярностью у мужского пола. Не проходило и пяти минут, чтобы к ней не подсаживался какой-нибудь очередной поклонник, надеющийся покорить её сердце. Откровенно говоря, подобная расположенность исходила только со стороны мужчин. Женщины её, мягко говоря, недолюбливали. Но это не слишком-то волновало Кáрмен: она никогда особенно не нуждалась в женском обществе, и присутствия Сесилии в её жизни хватало ей с лихвой. Ей всегда казалось, что мечта любой девушки – заполучить самого лучшего и желанного самца, а в таком деле дружбы не бывает – только конкуренция. Те же представительницы женского пола, которые вроде бы и не пытались принимать участия в соревновании, являлись для неё наивными и далеко не уверенными в себе простушками.

Дни летели, обгоняя один другой, наполняя её жизнь мелкими приятными событиями. Воскресенья иногда проходили особенно насыщенно: кто-то из наиболее активных организовывал целый автобус, и за небольшую плату они целой толпой выезжали к морю или в горы.

В одну из таких поездок Кáрмен обратила внимание на молодого человека, сидящего в одиночестве в самом конце салона и не сводящего с неё глаз. Ей, конечно, было не привыкать к тому, что какой-нибудь очередной несчастный влюблённый сверлит её взглядом. Но в данном случае разница состояла в том, что парень был невероятно красив. Кáрмен даже почувствовала лёгкое несвойственное ей волнение. Её так и тянуло обернуться к нему ещё и ещё, хотя всякий раз при этом щеки её вспыхивали ярким румянцем.

– Кто это? – шёпотом спросила она у всезнающей Сесилии, сидящей рядом.

– А, это Фелиппе!.. – сразу же определила она. – Редкостный красавчик, да? Он здесь уже давно, примерно столько же времени, что и ты, но почти никуда не ходит. Появится раз в полтора месяца и снова пропадёт. Только благодаря его внешности его здесь и помнят...

– А чем же объясняется такое добровольное затворничество? – немало заинтересовавшись, спросила Кáрмен.

– Любовью! – усмехнулась Сесилия. – У него на Филиппинах осталась жена и двое деток, так он в них души не чаёт. Приехал сюда только потому, что предложили хорошие деньги за работу садовником на одной огромной вилле. Вот он ни с кем толком и не знается, всё деньги копит и жене домой отсылает. Ждёт не дожётся, бедняга, окончания контракта...

Такая характеристика незнакомца показалась Кáрмен ужасно неромантичной и несколько остудила её пыл. В последний раз позволив себе обернуться и утонуть в пристальном взгляде его чёрных глаз, она отвернулась с сожалением. «Ещё один скучнейший тип...» – подумалось ей.

Между тем атмосфера в хозяйском доме снова начала потихоньку накаляться. Сэр Харис, после достаточно продолжительного периода охлаждения, опять возобновил свои поползновения. Было видно, что активная теперешняя жизнь Кáрмен некоторым образом действует ему на нервы. Поначалу он пытался игнорировать её и надолго уходил из дома (от чего пострадали в большей степени остальные члены семьи, в особенности несчастная жена). А затем, поняв, что таким образом птичка может запросто упорхнуть, бросился в любовную атаку. Преследо-

вал её по всему дому, под всякими предлогами внезапно заходил в комнату, норовил зажать в любом тёмном углу, иногда этим зля её невероятно. Кáрмен уже не на шутку начала грозить пойти в иммиграционный департамент с жалобой на хозяина дома. Благо теперь найти нужную информацию по защите своих прав она могла без труда. Сэр Харис же, надеясь получить желаемое мирным путём, обрушил на неё всё своё обаяние и щедрость. Такое его поведение несколько больше устраивало Кáрмен, и в хорошие дни она ему даже немного подыгрывала, чтобы позлить хозяйку. Мадам Мария в своей ревности становилась всё более невыносимой: цеплялась к Кáрмен по поводу и без, придиралась по пустякам и вообще в последнее время, кроме как на раздражённых окриках, с ней не разговаривала. Казалось, её выводит из себя всё, что только связано с домработницей.

– И что это у вас, у филиппинок, все имена такие: Сесилия, Кáрмен, Люсия? Кажется, азиатов обычно называют более мудрёно. Это вы себе для красоты придумываете, или как? – ни с того ни с сего вставляла она язвительным тоном.

– Но вы же видели мой паспорт, – спокойно отвечала ей Кáрмен, тихонько про себя усмехаясь. – Просто Филиппины – бывшая испанская колония, и наша культура у них много чего позаимствовала, в том числе и имена. Даже мой родной тагальский язык состоит на треть из испанских слов. И вообще моя родина была названа Филиппинами в честь испанского короля Филиппа II. А до того как в 1898 году пришли американцы, местное население ещё к тому же и активно смешивалось с испанцами, – не без гордости добавила она.

Кáрмен уже давно решила для себя, что своей столь удачной внешностью она, должно быть, обязана какому-то испанскому предку. Ведь семья её по линии матери принадлежала к прослойке испаноязычных католиков-филиппинцев, креолов и метисов. Ещё на занятиях по генетике в университете они проходили, что при смешении крови различных рас иногда получаются исключительные человеческие экземпляры, к коим она незамедлительно себя и отнесла.

Но если Кáрмен и могла сосуществовать рядом с человеком, который её на дух не переносит, то мадам Мария, очевидно, нет. Скандал следовал за скандалом, и во время этих нештучных баталий своих хозяев Кáрмен периодически различала знакомые ей греческие слова: «ξένη», «φιλιππινέζα», «λουτάνα»². Звучали частенько и немаловажные английские слова, такие как black list и immigration³. Из всего этого складывалась картина, что мадам Мария задумалась целью осчастливить Кáрмен занесением её в черный список. Что это означает, девушка хорошо знала: прерывание контракта, высылка из страны с запретом на последующие въезды. Дело принимало довольно серьёзный оборот, и Кáрмен посчитала уместным посвятить Сесилию в курс всего происходящего. Как и ожидалось, подруга не подвела: она быстренько разжевала Кáрмен всю подоплёку истории, объяснила, что на Кипре существует закон, позволяющий любой киприотской женщине обратиться в иммиграционный отдел с жалобой на иностранную жительницу, находящуюся по рабочей визе на Кипре и посягающую на неприкосновенность брачного союза. По принятии соответствующих мер эта несчастная высылалась с Кипра и заносилась в чёрный список. Также Сесилия посоветовала Кáрмен сделать единственно разумный в этой ситуации шаг и попросить у хозяев релиз, то есть разрешение на прерывание контракта с последующей возможностью трудоустройства на Кипре в течение месяца. Если за это время она сможет найти семью, согласную взять её на работу, то проблема считалась решённой.

На следующий день Кáрмен смиренным голосом объявила работодательнице о своей просьбе. Мадам Мария вначале страшно выпучила на неё глаза, а затем отвернулась и принялась что-то неразборчиво бормотать по-гречески. Кáрмен решила благоразумно промолчать и подождать продолжения. Вечером она снова услышала рёв и крики, доносящиеся с пер-

² Иностранка, филиппинка, проститутка (*греч.*).

³ Список лиц, для которых въезд в страну запрещён; иммиграционный департамент (*англ.*).

вого этажа. Несомненно, хозяева обсуждали её решение. Сэр Харис все яростно выкрикивал: «Λεφτά, λεφτά»⁴, – слова, уже хорошо известные Кáрмен. Видимо, его позиция строилась на том, что, давая домработнице релиз через шесть месяцев работы, они теряют деньги, так как контракт был рассчитан на целых четыре года. Мадам Мария что-то истерически кричала в ответ, и конца этому не было видно. Вдруг послышался звон разбивающейся посуды, и сразу все стихло. «Ну вот, приплыли... – подумала Кáрмен. – Уже тарелки друг о друга бьют! Что-то теперь со мной будет?..» Возвращаться на Филиппины сейчас, когда жизнь только-только забурлила, совсем не хотелось.

Через пару минут послышался стук в дверь, и сэр Харис преувеличенно вежливым голосом попросил её убраться вниз. Спустившись на кухню, Кáрмен встретила лицом к лицу с только что утихомирившейся хозяйкой. С красным опухшим лицом и мокрыми глазами та возвышалась над горой разбитой посуды и при появлении девушки приняла стойку боевой готовности. Не дав ей даже взяться за пылесос, мадам Мария громовым голосом провозгласила:

– Мы не можем дать тебе релиз, так как никто нам не возместит понесённые убытки. Но здесь ты тоже больше не останешься. В контракте обозначено, что мы можем выдать тебе определённую сумму поверх заработной платы, и, таким образом, ты должна сама позаботиться о своём жилище. Приезжать сюда ты будешь на автобусе, – последние слова были произнесены с особым нажимом, при этом мадам Мария бросила красноречивый взгляд на своего скромно стоящего в стороне мужа.

Грациозно ступая по осколкам, насколько это было возможно при её весе, хозяйка проществовала вон из кухни.

Радости Кáрмен не было предела! Почти смирившись с тем, что ничего хорошего больше ей здесь не светит, она получила такой приятный сюрприз. Уже давно она присматривалась к кучке её знакомых филиппинок, которые сами снимали себе квартиру и жили отдельно от своих хозяев. Вот это была настоящая свобода: отработала – и ходи себе куда угодно. Хоть каждый вечер! Теперь, когда дело приняло такой поворот, подобная жизнь ожидала и её. На следующий же день, после успешных переговоров с будущими соседками, которые были только рады ещё одному человеку, делящему с ними ренту, Кáрмен была занята перетаскиванием вещей.

Как и ожидалось, её образ жизни изменился к лучшему. На работу в дом хозяев она приезжала к восьми утра – в то время, когда в доме уже никого не оставалось: все домашние разбредались по работам и школам. Она не спеша прибиралась в доме, плотно подкреплялась из их холодильника на обед и уезжала назад пятичасовым автобусом. Таким образом, теперь на своей работе она оставалась один на один с пустым домом и совсем не видела его обитателей. За исключением разве что сэра Хариса. Ещё перевоза вещи Кáрмен в новое жильё, хозяин не преминул хорошенько запомнить его месторасположение. После её переезда он стал постоянно названивать ей на мобильный телефон и слать нежные послания. Его навязчивость была несколько утомительной, но, разбавленная небольшими периодическими подарочками, достаточно терпимой. Однажды, на день рождения Кáрмен, он преподнёс ей более оригинальный сюрприз: повёз в шикарнейший ресторан. Правда, ехать пришлось долго, аж на оккупированную турками сторону. Несмотря на то что после вступления в Европейское содружество между двумя разделёнными территориями разрешили свободное передвижение, большинство греко-киприотов игнорировали эту возможность и из чувства патриотизма отказывались посещать когда-то принадлежащие им дома и места, всё ещё находящиеся под турецким контролем. Таким образом, это являлось в некотором роде наиболее удачной конспирацией, так как уменьшало до минимума возможность встретить знакомых.

⁴ Деньги, деньги (*греч.*).

Но место, где она встретила своё двадцатидвулетие, всё же оказалось просто шиком. Когда при входе в ресторан сэра Харис торжественно приоткрыл для неё двери и Кáрмен прошествовала в сияющую внутренность по красному ковру, на секунду она почувствовала себя так же, как в тот день перед зеркалом, – сказка сбылась! Даже сопровождающий её мужчина показался ей в этот момент не таким уж непривлекательным... Внутреннее убранство сочетало в себе восточную роскошь и современный стиль. Кáрмен была счастлива. «Вот какой жизни я достойна!», – с радостью думала она.

Впрочем, теперешний скромный образ жизни более не приводил её в уныние. Каждый вечер она обязательно выходила на какую-нибудь вечеринку. И, хотя Сесилия не могла составить ей компанию в будние дни, Кáрмен никогда не скучала. Многочисленные поклонники не давали ей оставаться в одиночестве.

Глава XI

Между тем время шло. Кáрмен напрочь забыла о своей жизни в Авроре. Только уж когда Бенли слишком доставал её своими сообщениями, она могла впопыхах набрать его номер и отправить какую-нибудь небольшую сумму денег. До неё доходили слухи, что Люс никуда не уехала и прочно обосновалась на территории её дома: не было и дня, чтобы она там не появлялась. Кáрмен это уже мало волновало, да и по поведению мужа она понимала, что интимных отношений между ним и Люс пока ещё нет. Так называемая «преданная подруга» играла роль бескорыстной и заботливой матери. Иногда на Бенли находили сильнейшие приступы тоски, и тогда он безостановочно слал ей душещипательные послания о том, как ему без неё плохо, умолял её бросить всё и вернуться обратно. «Я без тебя умираю! – писал он. – А Сюзи начинает тебя забывать: вчера она назвала Люс мамой!..» «Ну что ж, мамой, так мамой...» – думала Кáрмен и тут же выбрасывала это из головы. Всё, что осталось у неё в Авроре, казалось ей старым забытым сном.

А настоящая жизнь протекала здесь, на Кипре, в веселье и поклонниках. Самым преданным из них, как ни странно, оставался сэр Харис. Сорокашестилетний мужчина, казалось, полностью потерял из-за неё голову. Его постоянству и терпению можно было отдать должное. Время от времени он вывозил её в какие-нибудь интересные места – для пущей осторожности подальше от Никосии. Казалось, он наслаждается одним только её присутствием. Мог подолгу молчать, просто глядя на её лицо, волосы, руки. Кáрмен в такие минуты начинала позёвывать от скуки, а сэр Харис – мечтательным голосом произносить один за другим комплементы.

– Ты совсем не похожа на остальных филиппинок... – часто говорил ей он.

– Ещё бы! Это потому, что я – креолка! – не без самодовольства отвечала Кáрмен.

В плане денег она чувствовала себя великолепно. Хозяин всегда заботливо снабжал её любимыми суммами. Так что теперь она могла позволить себе время от времени походы по самым дорогим магазинам на центральных улицах Макариу и Стасиградус. Зайдя однажды в один такой магазин, она увидела другую филиппинскую женщину, выбирающую одежду. В подобных местах представительниц своей национальности она встречала разве только что по другую сторону прилавка. Да и то крайне нечасто: в дорогостоящих магазинах товар обычно продавали сами киприотки либо другие европейки. Кáрмен собиралась порадовать себя покупкой какого-нибудь дорогого аксессуара, когда натолкнулась на эту женщину. Та, в свою очередь, холодно взглянула на неё и отвернулась. Кáрмен так и застыла на месте, не сводя взгляда с холёного красивого лица незнакомки. Всё на ней, начиная с элегантных босоножек со стразами Сваровски и заканчивая изумительной формы золотым колье на шее, выглядело безумно дорогим. Кáрмен разглядывала её красиво уложенную, будто только что из парикмахерской, причёску, как вдруг в помещение вбежала хорошенькая восьмилетняя девочка. Она бойко подлетела к уже расплачивающейся у кассы и так поразившей Кáрмен женщине и нетерпеливо потянула её за рукав к выходу. Чёрные волосы девочки были такими же, как и у матери, но черты лица казались более европейскими. Кáрмен следила за ними взглядом сквозь стеклянную дверь магазина. Возле входа их ждал шикарный автомобиль. Владелец его, пожилой важный киприот, поцеловав женщину в губы, помог им взобраться в салон, и машина тронулась с места. Кáрмен зачарованно смотрела ей вслед...

Вернулась она домой в подавленном настроении. Всё казалось не тем и было не так. Ну почему одним достаётся всё в этом мире, а другие вынуждены довольствоваться лишь жалкими крохами всех тех прекрасных благ, которые может предложить жизнь? И кто решает, кому и за какие достоинства должно достаться больше или меньше? Кáрмен, выросшая в католической вере, давно перестала искать ответы на эти вопросы в религии. Ещё пятилетней девочкой она

твёрдо усвоила, что справедливости в жизни нет. Сестра её матери, заблудшая овца их семейства, вернулась из Манилы, где, по словам родственников, промышляла древнейшей профессией. В глазах Кáрмен она являлась той самой Марией Магдалиной, которая под воздействием всеобщей доброты и заботы о ней вот-вот должна раскаяться. Маленькая Кáрмен тогда очень много молилась за неё по вечерам. Больше всего она боялась того момента, когда её тётё придётся расплачиваться за свои прегрешения, как это было сказано в Библии. А в итоге расплачиваться за тётины грехи пришлось почему-то Кáрмен и её матери. Погостив вдоволь в их доме, тётя сбежала к новой лёгкой жизни, прихватив с собою их кормильца – отца Кáрмен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.